

БОЛЬШАЯ КНИГА СКАЗОК ДЛЯ МАЛЫШЕЙ

СКАЗКИ БРАТЬЕВ ГРИММ

Большая книга сказок для малышей (Проф-Пресс)

Якоб и Вильгельм Гримм

Сказки братьев Гримм

Издательский дом "Проф-Пресс"

1812–1837

УДК 82-34
ББК 84(4Гем)

Гримм Я.

Сказки братьев Гримм / Я. Гримм — Издательский дом "Проф-Пресс", 1812–1837 — (Большая книга сказок для малышей (Проф-Пресс))

ISBN 978-5-378-36237-0

Этот сборник открывает дверь в удивительный мир классических немецких сказок братьев Якоба и Вильгельма Гримм. На его страницах оживают смелые герои, верные друзья, мудрые лесные звери и коварные злодеи. Юные читатели с удовольствием погрузятся в захватывающие приключения из сказок «Белоснежка», «Гензель и Гретель», «Бременские музыканты» и других шедевров мирового фольклора. Богатое иллюстративное оформление и увлекательные сюжеты подарят маленьким мечтателям много положительных эмоций. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-34
ББК 84(4Гем)

ISBN 978-5-378-36237-0

© Гримм Я., 1812–1837
© Издательский дом "Проф-Пресс", 1812–1837

Содержание

Бременские уличные музыканты	6
Волк и семеро козлят	15
Рапунцель	25
Король Дроздобород	34
Гензель и Гретель	47
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Сказки братьев Гримм

© Издательский дом «Проф-Пресс», составление, оформление, 2026
© Перевод. Г. Н. Петников, наследники, 2026

Бременские уличные музыканты

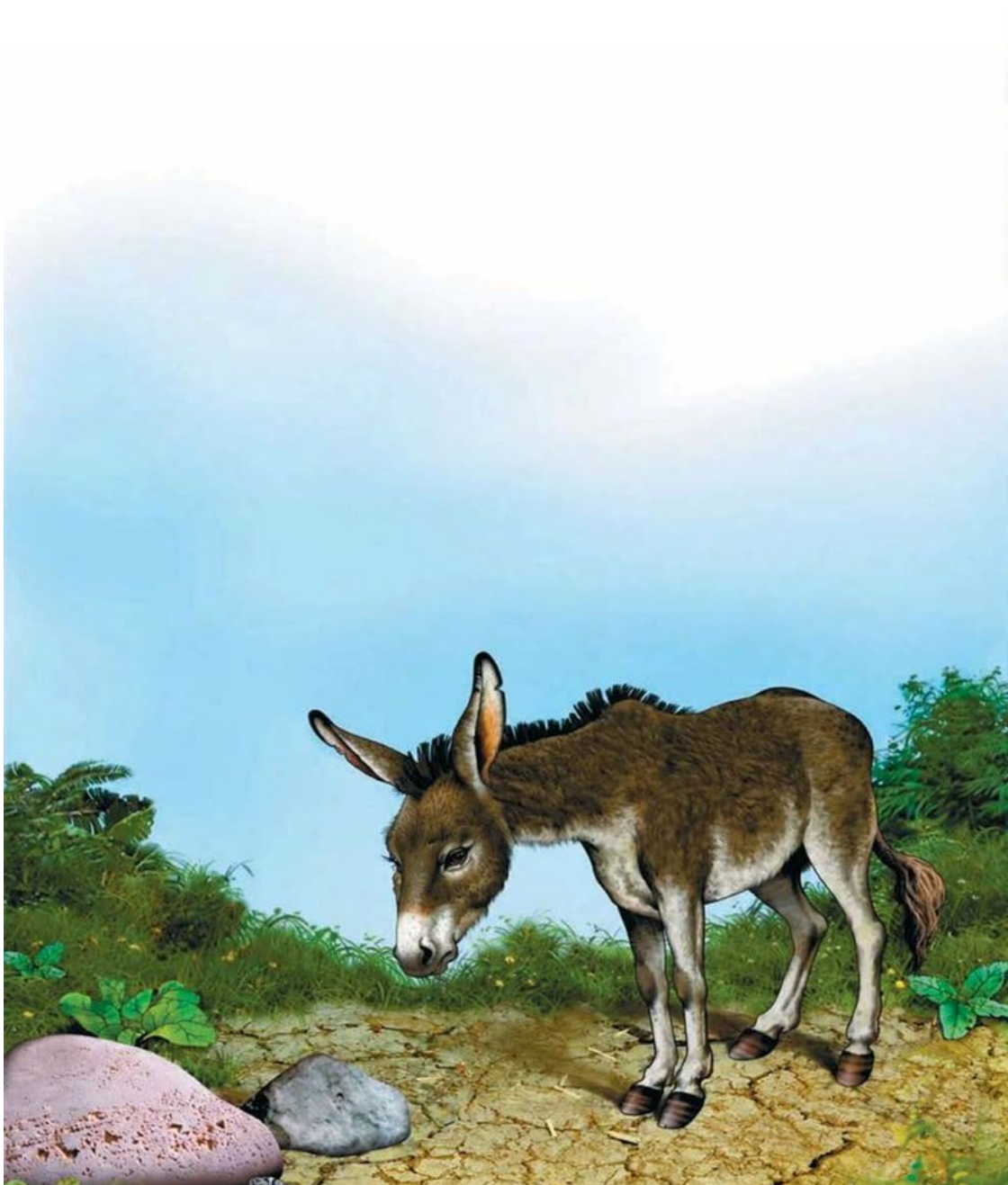
Был у одного хозяина осёл, и много лет подряд таскал он без устали мешки на мельницу, но к старости стал слаб и к работе не так пригоден, как прежде.

Подумал хозяин, что кормить его теперь, пожалуй, не стоит; и осёл, заметив, что дело не к добру клонится, взял и убежал от хозяина и двинулся по дороге на Бремен, – он думал, что там удастся ему сделаться уличным музыкантом.

Вот прошёл он немного, и случилось ему повстречать по дороге охотничью собаку: она лежала, тяжело дыша, высунув язык, – видно, бежать устала.

– Ты что это, Хватай, так тяжело дышишь? – спрашивает её осёл.

– Ох, отвечает собака, – стара я стала, что ни день, то всё больше слабею, на охоту ходить уже не в силах; вот и задумал меня хозяин убить, но я от него убежала. Как же мне теперь на хлеб зарабатывать?

– Знаешь что, – говорит осёл, – я иду в Бремен, хочу сделаться там уличным музыкантом; пойдём вместе со мной, поступай ты тоже в музыканты. Я играю на лютне, а ты будешь бить в литавры.

Собака на это охотно согласилась, и они пошли дальше. Вскоре повстречали они на пути кота; он сидел у дороги, мрачный да невесёлый, словно дождевая туча.

– Ну что, старина Кот Котофеич, беда, что ли, какая с тобой приключилась? – спрашивает его осёл.

– Да как же мне быть весёлым, когда дело о жизни идёт, – отвечает кот, – стал я стар, зубы у меня притупились, сидеть бы мне теперь на печи да мурлыкать, а не мышей ловить, – вот и задумала меня хозяйка утопить, а я убежал подобра-поздорову. Ну, какой дашь мне добрый совет? Куда ж мне теперь деваться, чем прокормиться?

– Пойдём с нами в Бремен, ты ведь ночные концерты устраивать мастер, вот и будешь там уличным музыкантом.

Коту это дело понравилось, и пошли они вместе.

Пришлось нашим трём беглецам проходить мимо одного двора, видят они – сидит на воротах петух и кричит во всё горло.

– Чего ты горло дерёшь? – говорит осёл. – Что с тобой приключилось?

– Да это я хорошую погоду предвещаю, – ответил петух. – Да всё равно нет у моей хозяйки жалости: завтра воскресенье, утром гости приедут, и вот велела она кухарке сварить меня в супе, и отрубят мне нынче вечером голову. Вот потому и кричу я пока могу во всё горло.

– Вот оно что, петушок – красный гребешок, – сказал осёл, – эх, ступай-ка ты лучше с нами, мы идём в Бремен, – хуже смерти всё равно ничего не найдёшь; голос у тебя хороший, и если мы примемся вместе с тобой за музыку, то дело пойдёт на лад.

Петуху такое предложение понравилось, и они двинулись все вчетвером дальше. Но дойти до Бремена за один день им не удалось, они попали вечером в лес и порешили там заночевать.

Осёл и собака улеглись под большим деревом, а кот и петух забрались на сук; петух взлетел на самую макушку дерева, где было ему всего надёжней. Но прежде чем уснуть, он осмотрелся по сторонам, и показалось ему, что вдали огонёк мерцает, и он крикнул своим товарищам, что тут, пожалуй, и дом недалече, потому что виден свет. И сказал осёл:

– Раз так, то нам надо подыматься и идти дальше, ведь ночлег-то здесь неважный.

А собака подумала, что некоторая толика костей и мяса была бы как раз кстати. И вот они двинулись в путь-дорогу, навстречу огоньку, и вскоре заметили, что он светит всё ярче и светлей, и стал совсем уже большой; и пришли они к ярко освещённому разбойничьему притону.

Осёл, как самый большой из них, подошёл к окошку и стал в него заглядывать.

– Ну, осёл, что тебе видно? – спросил петух.

– Да что, – ответил осёл, – вижу накрытый стол, на нём всякие вкусные кушанья и напитки поставлены, и сидят за столом разбойники, и едят в своё удовольствие.

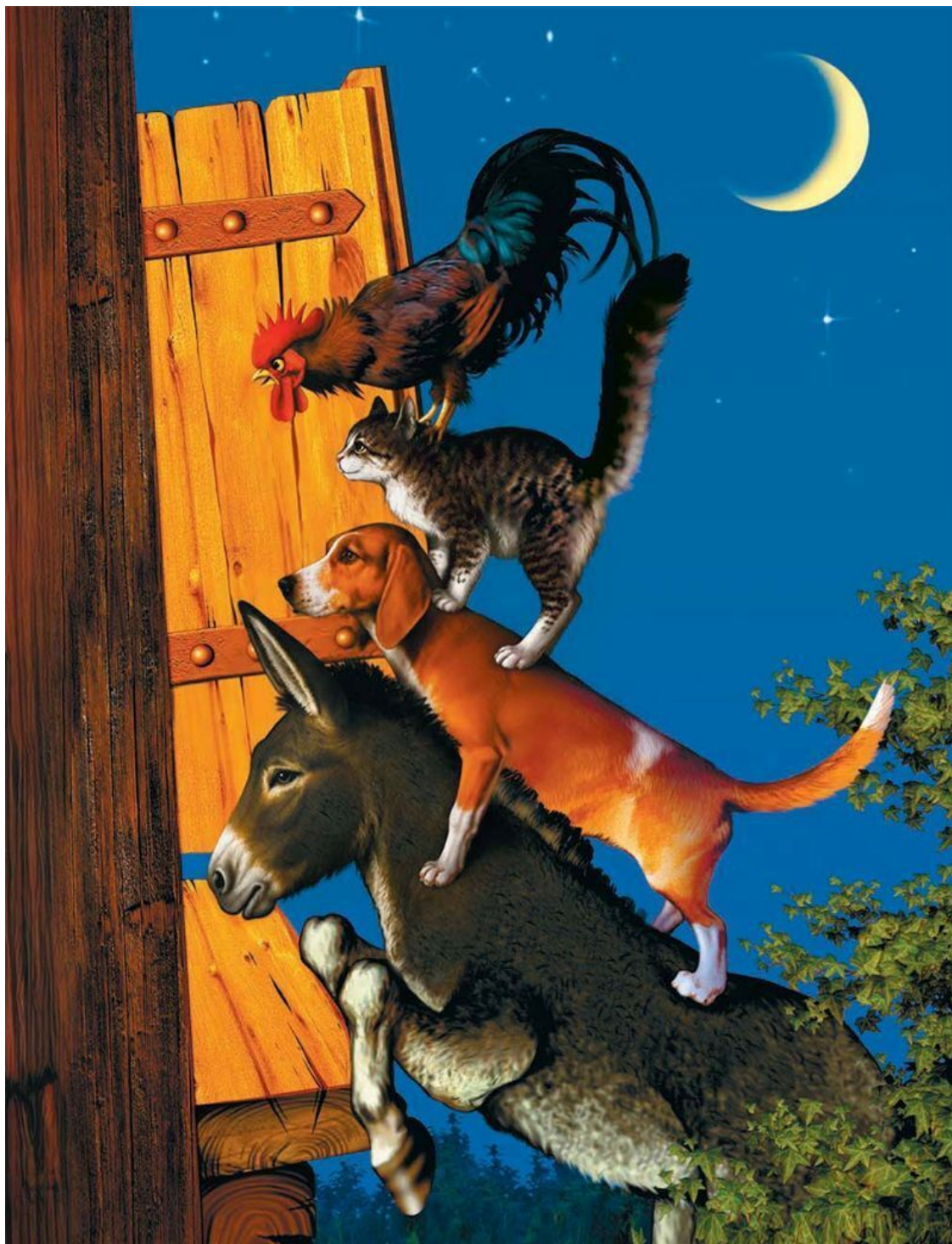
– Там, пожалуй, кое-что и для нас бы нашлось, – сказал петух.

– Да, да, если бы только нам туда попасть! – сказал осёл.

И стали звери между собой судить да рядить, как к тому делу приступить, чтобы разбойников оттуда выгнать; и вот наконец нашли они способ.

Решили, что осёл должен поставить передние ноги на окошко, а собака прыгнуть к ослу на спину; кот взберётся на собаку, а петух пускай взлетит и сядет коту на голову. Так они и сделали, и по условному знаку все вместе принялись за музыку: осёл кричал, собака лаяла, кот мяукал, а петух тот запел и закукарекал. Потом ворвались они через окошко в комнату, так что даже стёкла зазвенели.

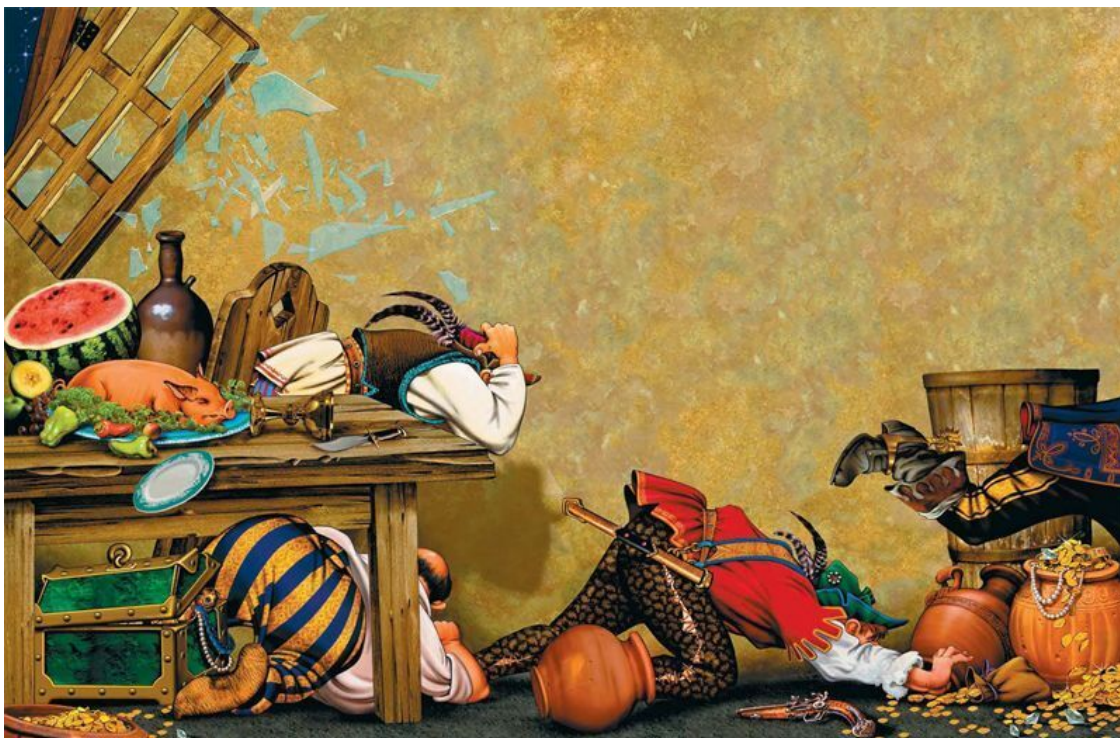
Услышав ужасный крик, разбойники повскакали из-за стола и, решив, что к ним явилось какое-то привиденье, в великом страхе кинулись в лес. Тогда четверо наших товарищей уселись за стол, и каждый принялся за то, что пришлось ему по вкусу из блюд, стоявших на столе, и начали есть и наедаться, будто на месяц вперёд.

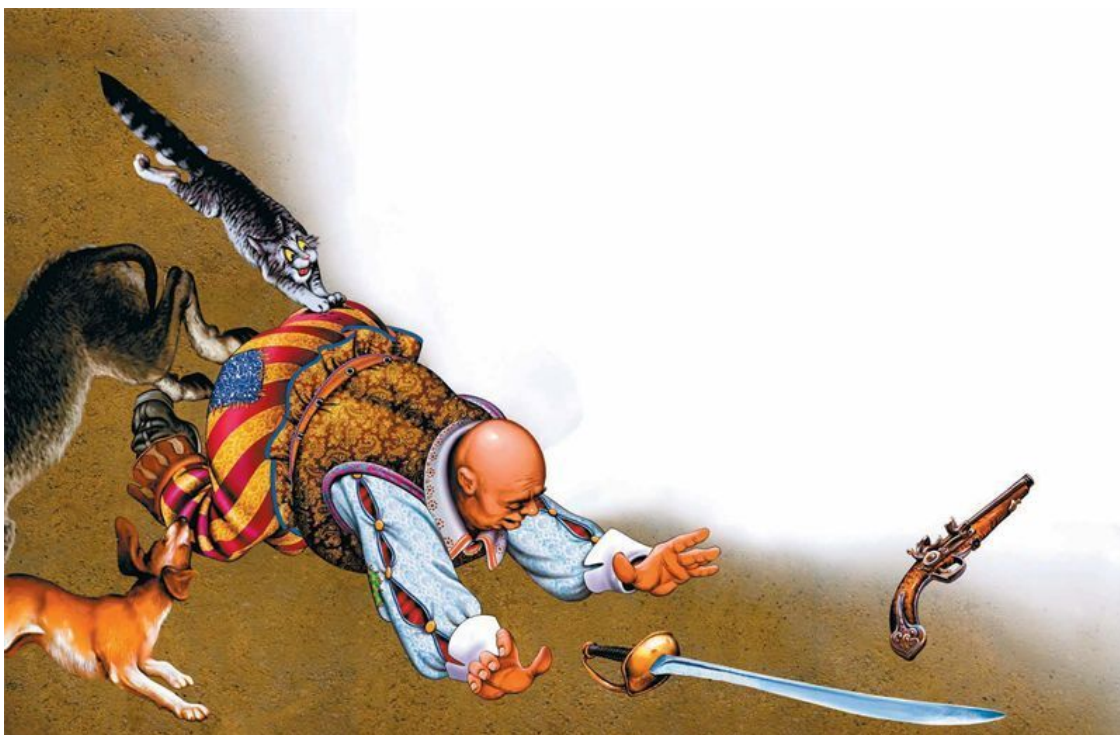
Пожинав, четверо музыкантов погасили свет и стали искать, где бы им поудобней выпасться, – каждый по своему обычаю и привычке. Осёл улёгся на навозной куче, собака легла за дверью, кот на шестке у горячей золы, а петух сел на насест; а так как они с дальней дороги устали, то вскоре все и уснули.

Когда полночь уже прошла и разбойники издали заметили, что в доме свет не горит, всё как будто спокойно, тогда говорит атаман:

– Нечего нам страху поддаваться. – И приказал одному из своих людей пойти в дом на разведку.

Посланный нашёл, что там все тихо и спокойно; он зашёл в кухню, чтобы зажечь свет, и показались ему сверкающие глаза кота горящими угольками, он ткнул в них серник, чтобы добыть огня. Но кот шуток не любил, он кинулся посланному прямо в лицо, стал шипеть и царапаться. Тут испугался разбойник и давай бежать через чёрную дверь; а собака как раз за дверью лежала, вскочила она и укусила его за ногу. Пустился он бежать через двор да мимо навозной кучи, тут и лягнул его изо всех сил осёл задним копытом; проснулся от шума петух, встрепнулся да как закричит с насеста: «Кукареку!»

Побежал разбойник со всех ног назад к своему атаману и говорит:

– Ох, там в доме страшная ведьма засела, как дохнет она мне в лицо, как вцепится в меня своими длинными пальцами; а у двери стоит человек с ножом, как полоснёт он меня по ноге; а на дворе лежит чёрное чудище, как ударит оно меня своей дубинкой; а на крыше, на самом верху, судья сидит и кричит: «Ташите вора сюда!» Тут я еле-еле ноги унёс.

С той поры боялись разбойники в дом возвращаться, а четырём бременским музыкантам там так понравилось, что и уходить не захотелось.

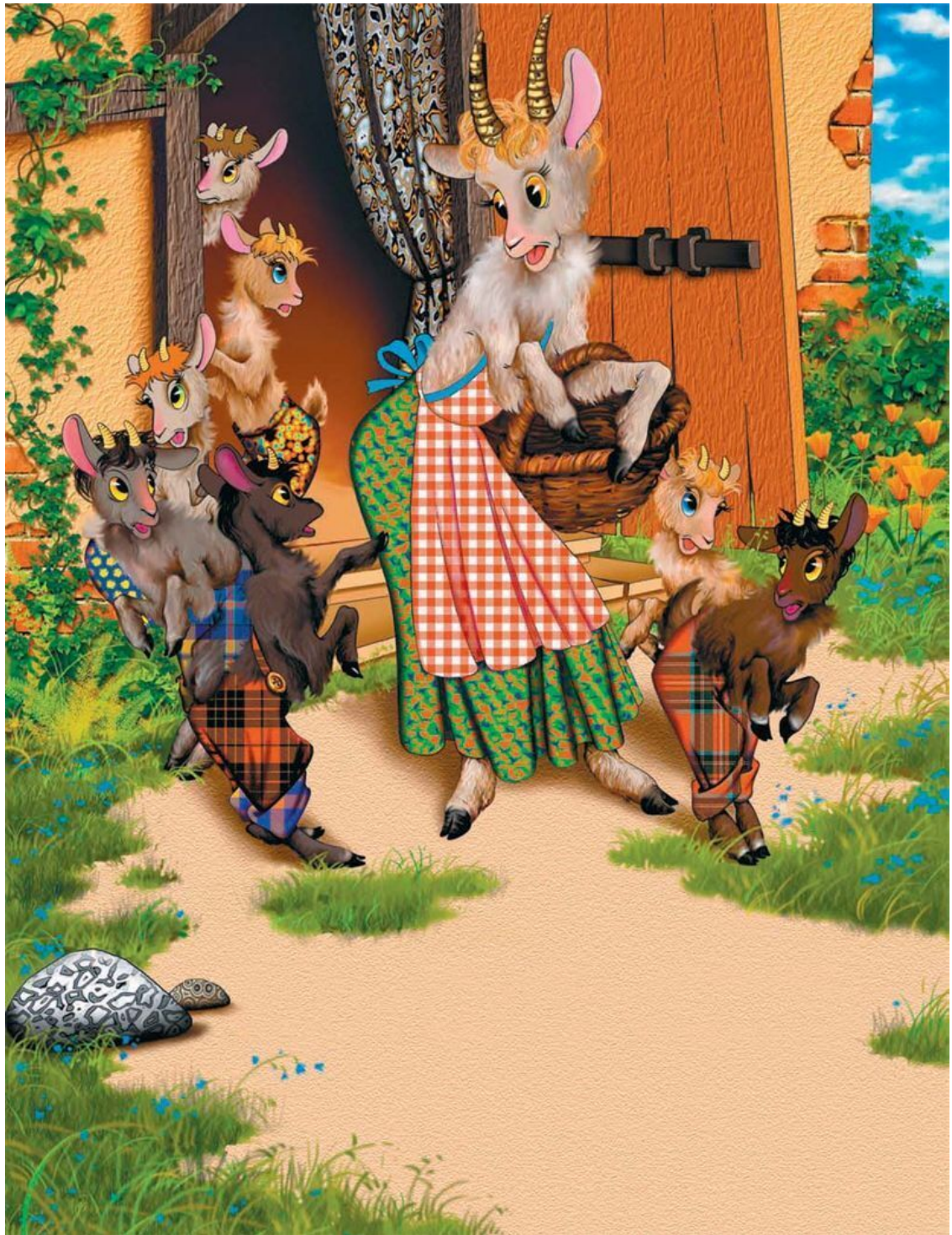
А кто эту сказку последний сказал, всё это сам своими глазами видал.

Волк и семеро козлят

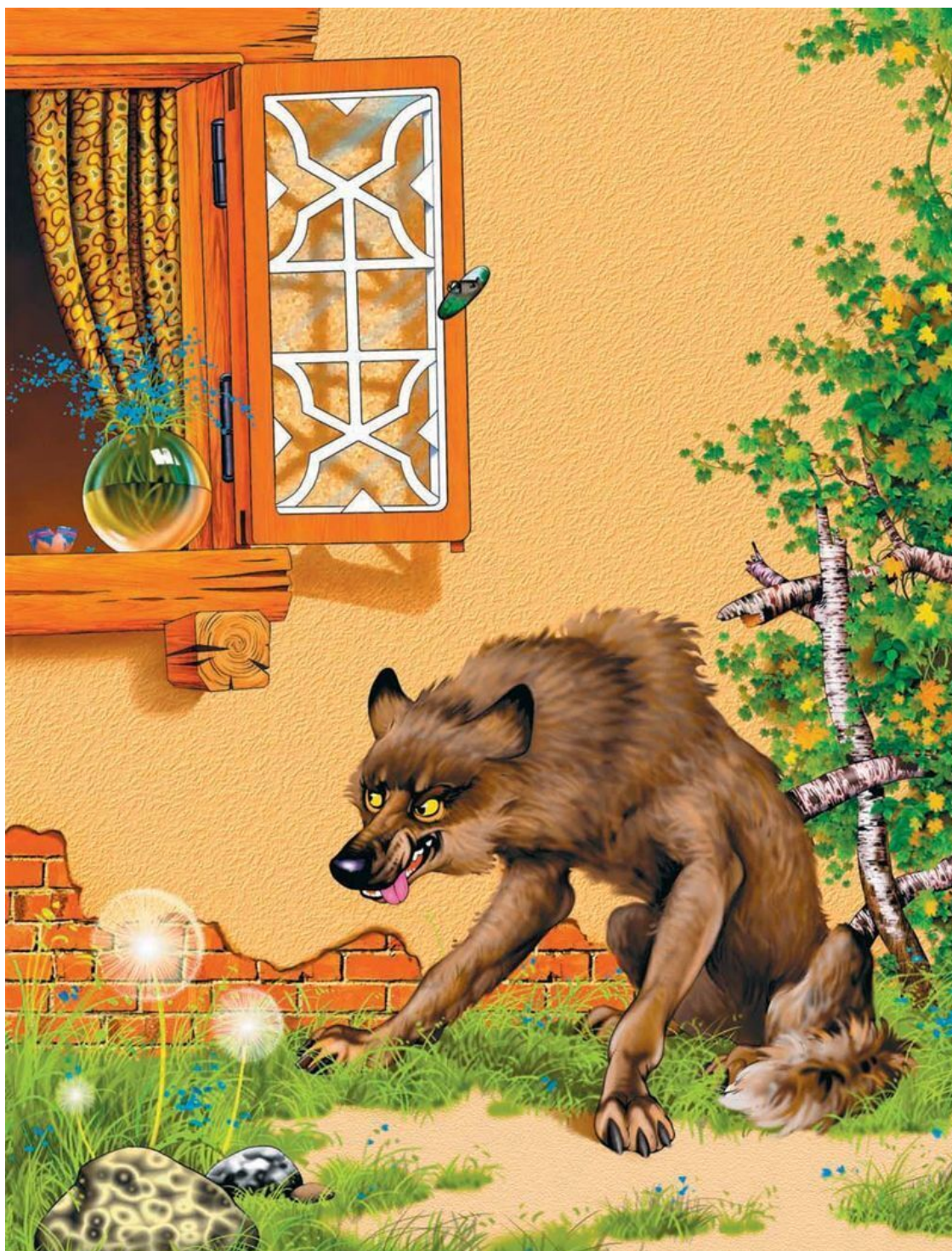
Жила-была старая коза. Было у ней семеро козлят, и она их так любила, как может любить своих детей только мать. Раз собралась она идти в лес, корму принести; вот созвала она всех своих семерых деток и говорит:

– Милые детки, хочу я в лес пойти, а вы смотрите волка берегитесь. Если придёт он сюда, то всех вас поест, заодно со шкурой и шерстью. Этот злодей часто прикидывается, но вы его сразу узнаете по толстому голосу и по чёрным лапам.

Ответили козлятки:

– Милая матушка, уж мы постережёмся, вы ступайте себе, не беспокойтесь.

Заблеяла старая коза и преспокойно отправилась в путь-дорогу.

Прошло немного времени, вдруг кто-то стучится в дверь и кричит:

– Детки милые, отомкните, ваша мать пришла, вам гостинцев принесла!

Но козляточки по толстому голосу услышали, что это волк.

– Не откроемся, – закричали они, – ты не матушка наша; у той голос добрый и тонкий, а твой голос толстый: ты – волк.

Пошёл тогда волк к купцу и купил себе мела большой кусок, съел его, и стал у него голос тонкий. Вернулся назад, постучался в дверь и говорит:

– Детки, милые, отомкните, ваша мать пришла, вам гостинцев принесла.

Положил волк свою чёрную лапу на окошко, увидели ее козлятки и закричали:
– Не откроемся, у матушки нашей не чёрные лапы: ты – волк!

Побежал тогда волк к хлебопёку и говорит:

– Я зашиб себе ногу, помажь мне её тестом.

Помазал ему хлебопёк лапу тестом, побежал волк к мельнику и говорит:

– Присыпь мне лапу белой мукой.

Мельник подумал: «Волк, видно, хочет кого-то обмануть», – и не согласился. А волк говорит:

– Если ты этого не сделаешь, я тебя съем.

Испугался мельник и побелил ему лапу. Вот какие бывают люди на свете!

Подошел злодей в третий раз к двери, постучался и говорит:

– Детки милые, отомкните, ваша мать пришла, вам из лесу гостинцы принесла!

Закричали козляточки:

– А ты покажи нам сначала свою лапу, чтобы мы знали, что ты наша матушка.

Положил волк свою лапу на окошко, увидели они, что она белая, и подумали, что он правду говорит, – и отворили ему дверь. А тот, кто вошёл, был волк.

Испугались они и решили спрятаться. Прыгнул один козлёночек под стол, другой – на кровать, третий – на печку, четвёртый – в кухню, пятый – в шкаф, шестой – под умывальник, а седьмой – в футляр от стенных часов. Но всех их нашёл волк и не стал долго разбираться: разинул пасть и проглотил их одного за другим; одного только он не нашёл, того младшего, что спрятался в часах.

Наевшись досыта, волк ушел, растянулся на зелёном лужку под деревом и заснул.

Приходит вскоре старая коза из лесу домой. Ах, что ж она там увидела!.. Дверь настежь раскрыта. Стол, стулья, скамьи опрокинуты, умывальник разбит, подушки и одеяла с постели сброшены.

Стала она искать своих деток, но найти их нигде не могла. Стала она их кликать по именам, но никто не отзывался.

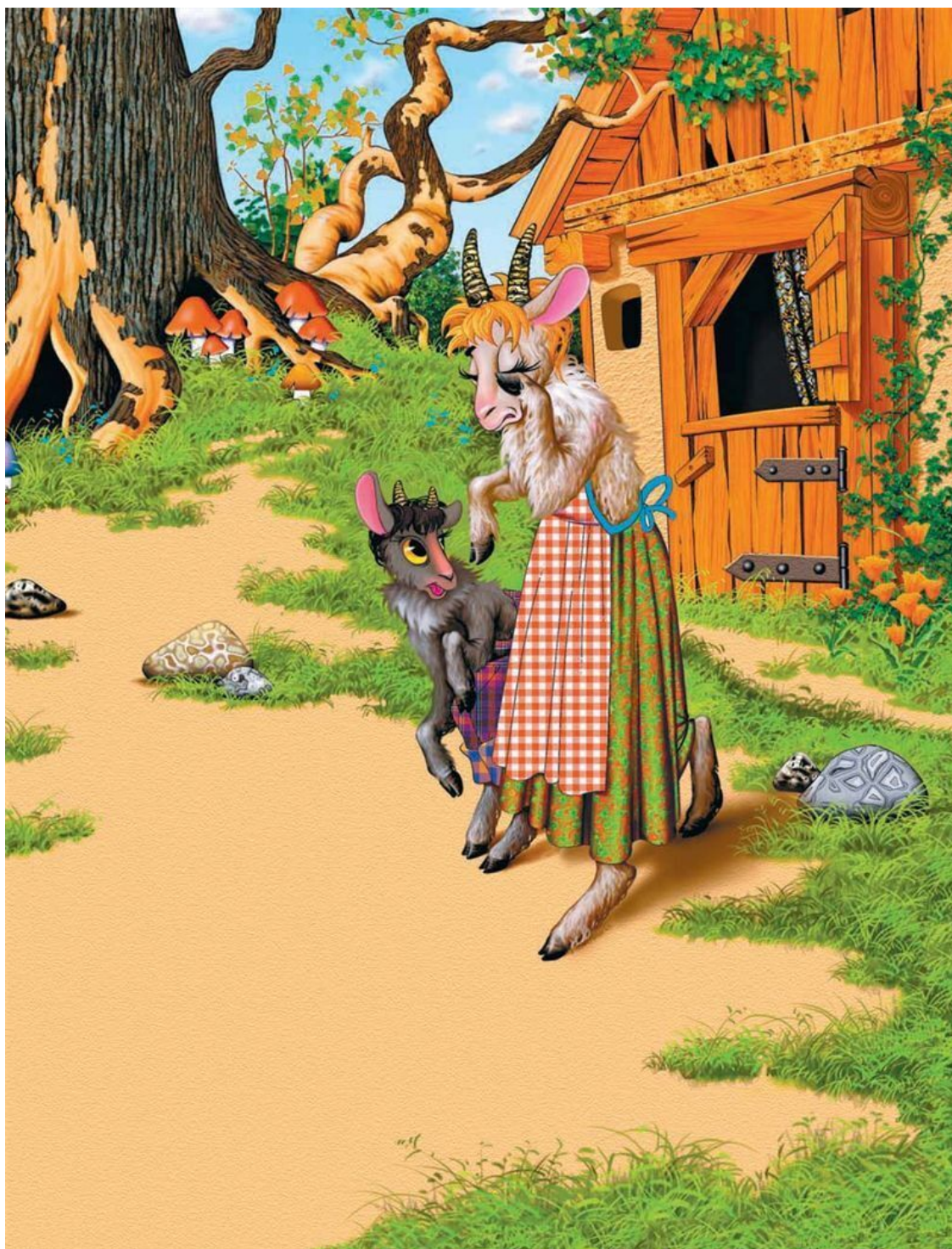

Наконец дошла она до младшего, и раздался в ответ тоненький голосок:

– Милая матушка, я в часах спрятался!

Вынула она его оттуда, и он рассказал, что приходил волк и всех поел. Можете себе представить, как оплакивала коза своих бедных деточек!

Вышла она в великом горе из дому, а младший козлёночек побежал за ней следом. Пришла она на лужок, видит – лежит у дерева волк и храпит так, что аж ветки дрожат.

Оглядела она его со всех сторон и увидела, что в раздувшемся брюхе у него что-то шевелится и барахтается.

«Ах, боже ты мой, – подумала она, – неужто мои бедные деточки, которых поел он на ужин, еще живы-живёхоньки?» И велела она козленку бежать поскорее домой и принести ножницы, иглу и нитки. Вот вспорола она чудищу брюхо, но только сделала надрез, а тут и высунул козлёночек свою голову. Стала вспарывать брюхо дальше, – тут и повыскочили один за одним все шестеро, живы-живёхоньки, и ничего с ними плохого не случилось, потому что чудище от жадности заглатывало их целиком.

Вот уж радость-то была! Стали они ласкаться да голу-биться к милой своей матушке, скакать и прыгать, словно портной на свадьбе. Но старая коза сказала:

– Ступайте скорей и найдите камней-голышей, мы набьём ими брюхо проклятому зверю, пока он ещё сонный.

Наташили тут семеро козлят много-много камней и засунули их волку в брюхо столько, сколько влезло. Зашила старая коза ему наскоро брюхо, а тот ничего не заметил, даже ни разу не двинулся.

Выспался наконец волк, поднялся на ноги и почувствовал от камней в брюхе такую жажду, что пошёл к колодцу воды напиться. Только он двинулся, а камни в брюхе один о другой стучат да постукивают. И крикнул волк:

*Что урчит и стучит,
В моем брюхе бурчит?
Думал я – шесть козлят,
А то камни гремят.*

Подошёл к колодцу, наклонился к воде, хотел напиться, и потянули его тяжёлые камни вниз, так он там и утонул.

Увидали это семеро козлят, прибежали к матери и давай кричать:

– Волк мёртвый! Волк уже мёртвый! – и стали на радостях плясать вместе со своей матушкой вокруг колодца.

Рапунцель

Однажды жили на свете муж и жена; им давно уже хотелось иметь ребёнка, но его все не было; и вот, наконец, явилась у жены надежда, что милостивый господь исполнит её желание.

А было у них в горенке маленькое окошко, оттуда был виден великолепный сад, где росло много прекраснейших цветов и всякой зелени. Но сад был обнесён высокой оградой, и никто не осмеливался в него входить, так как сад этот принадлежал одной колдунье; она обладала большим могуществом, и все на свете её боялись.

Стояла раз жена у окошка, заглянула в сад и увидела грядку, а рос на ней прекраснейший рапунцель; был он на вид такой свежий и такой зелёный, что ей страсть как захотелось отведать этого рапунцеля. Это желание у неё всё с каждым днём возрастало, но так как она знала, что его достать ей никак невозможно, то она вся исхудала, побледнела и выглядела несчастной.

Испугался муж и спрашивает:

– Чего тебе, моя жёнушка, недостаёт?

– Ах, – говорит она, – если не добыть мне из того сада, что за нашим домом, зелёного рапунцеля и его не отведать, то останется мне одно – помереть.

Муж очень её любил и подумал: «Уж если жене моей от этого помирать приходится, то я достану для неё рапунцеля, чего бы это мне ни стоило».

И вот перелез он в сумерках через каменную ограду в сад колдуньи, нарвал второпях целую пригоршню зелёного рапунцеля и принёс его жене.

Она тут же приготовила себе из него салат и с жадностью его поела. И салат ей этот так понравился, показался ей таким вкусным, что на другой день появилось у неё желание вдвое большее, чем прежде. И она не могла найти себе покоя, пока муж не согласился полезть в сад ещё раз.

Он пробрался туда в сумерках, пролез через каменную ограду, но сильно перепугался, увидав перед собой колдунью.

– Как ты смеешь лазить в мой сад, – сказала она, гневно на него поглядев, – и красть у меня, как вор, мой зелёный рапунцель? Тебе плохо за это придётся.

– Ах, – ответил он, – вы уж меня простите, ведь я решился на это по нужде: моя жена увидала из окошка ваш зелёный рапунцель и почувствовала к нему такую страсть, что, пожалуй, умерла бы, если бы его не отведала.

Гнев у колдуньи немного прошёл, и она сказала ему:

– Если это правда, что ты говоришь, то я позволю тебе набрать рапунцеля столько, сколько ты пожелаешь, но при одном условии: ты должен будешь отдать мне ребёнка, который родится у твоей жены. Ему будет у меня хорошо, я буду о нём заботиться, как мать родная.

И он со страху согласился на всё. Когда жене пришло время рожать и она родила дочку, явилась тотчас колдунья, назвала дитя Рапунцель и забрала его с собой.

Стала Рапунцель самой красивой девочкой на свете. Когда ей исполнилось двенадцать лет, колдунья заперла её в башню, что находилась в лесу; в той башне не было ни дверей, ни лестницы, только на самом её верху было маленькое оконце. Когда колдунье хотелось забраться на башню, она становилась внизу и кричала:

*Рапунцель, Рапунцель, проснись,
Спусти свои косоньки вниз!*

А были у Рапунцель длинные прекрасные волосы, тонкие, словно из пряжи золотой. Услышит она голос колдуньи, распустит свои косы, подвяжет их вверх к оконному крючку, и упадут волосы на целых двадцать аршин вниз, – и взбирается тогда колдунья, уцепившись за них, наверх.

Прошло несколько лет, и случилось королевскому сыну проезжать на коне через лес, где стояла башня.

Вдруг он услышал пение, а было оно такое приятное, что он остановился и стал прислушиваться. Это пела Рапунцель своим чудесным голосом песню, коротая в одиночестве время. Захотелось королевичу взобраться наверх, и он стал искать вход в башню, но найти его было невозможно. Он поехал домой, но пение так запало ему в душу, что он каждый день выезжал в лес и слушал его.

Вот стоял он раз за деревом и увидел, как явилась колдунья, и услышал, как она закричала:

*Рапунцель, Рапунцель, проснись,
Спусти свои косоньки вниз!*

Спустила Рапунцель свои косы вниз, и взобралась колдунья к ней наверх.

«Если это и есть та лесенка, по которой взбираются наверх, то и мне хотелось бы однажды попытать счастья», – и на другой день, когда начало уже смеркаться, подъехал королевич к башне и крикнул:

*Рапунцель, Рапунцель, проснись,
Спусти свои косоньки вниз!*

И упали тотчас волосы вниз, и королевич взобрался наверх.

Рапунцель, увидя, что к ней вошёл человек, какого она никогда не видела, сначала сильно испугалась. Но королевич ласково с ней заговорил и рассказал, что сердце его было так тронуту её пением и не было ему нигде покоя, и вот он решил её непременно увидеть.

Тогда Рапунцель перестала бояться, и когда он спросил у нее, согласна ли она выйти за него замуж, – а был он молодой и красивый, – она подумала: «Он будет любить меня больше, чем старуха фрау Готель», – и дала своё согласие и протянула ему руку.

Она сказала:

– Я охотно пойду вместе с тобой, но не знаю, как мне спуститься вниз. Когда ты будешь ко мне приходить, бери всякий раз с собой кусок шёлка; я буду плести из него лесенку, и когда она будет готова, я спущусь вниз, и ты увезёшь меня на своём коне.

Они условились, что он будет приходить к ней по вечерам, так как днём приходила старуха. Колдунья ничего не замечала до тех пор, пока однажды Рапунцель не заговорила с ней и не сказала:

– Скажи мне, фрау Готель, почему мне тебя тащить наверх тяжелей, чем молодого королевича? Он подымается ко мне в один миг.

– Ах ты, мерзкая девчонка! – крикнула колдунья. – Что я слышу? Я считала, что скрыла тебя ото всех, а ты меня все-таки обманула! – И она вцепилась в ярости в прекрасные волосы Рапунцель, обмотала их несколько раз вокруг левой руки, а правой схватила ножницы и – чик-чик! – отрезала их, и чудесные косы лежали на земле.

И была колдунья такою безжалостной, что завела бедную Рапунцель в глухую чашу; и пришлось ей там жить в большой нищете и горе.

И в тот же самый день, как она прогнала Рапунцель, она привязала вечером отрезанные косы к оконному крючку и, когда явился королевич и крикнул:

*Рапунцель, Рапунцель, проснись,
Спусти свои косоньки вниз! —*

то спустила колдунья волосы вниз.

И взобрался королевич наверх, но не нашёл там своей любимой Рапунцель, а увидел колдунью. Она глянула на него своим злобным, язвительным взглядом.

— Ага! — крикнула она насмешливо. — Ты хочешь увезти свою возлюбленную, но красавицы-птички нет больше в гнезде, и она уже не поёт. Её унесла кошка, а тебе она выцарапает к тому же глаза. Ты потерял Рапунцель навек, не видать её тебе больше никогда!

Королевич был вне себя от горя и в отчаянье выпрыгнул из башни; ему удалось сохранить жизнь, но колючие шипы кустарника, на которые он упал, выкололи ему глаза. И он бродил слепой по лесу, питаясь лишь одними кореньями да ягодами, и всё время горевал и плакал по потерянной им любимой жене.

Так блуждал королевич несколько лет в горе и печали и зашёл наконец в густую чащу, где жила, бедствуя, Рапунцель вместе со своими детьми-близнецами, которых она родила, с мальчиком и девочкою.

Вдруг услышал королевич чей-то голос; он показался ему таким знакомым, и он пошёл навстречу этому голосу; и когда королевич подошёл ближе, то Рапунцель его узнала, бросилась к нему на шею и горько заплакала. Две слезинки упали королевичу на глаза, и он снова прозрел и стал видеть, как прежде. Королевич привёл её в своё королевство, где встретили их с радостью, и они жили долгие-долгие годы в счастье и довольстве.

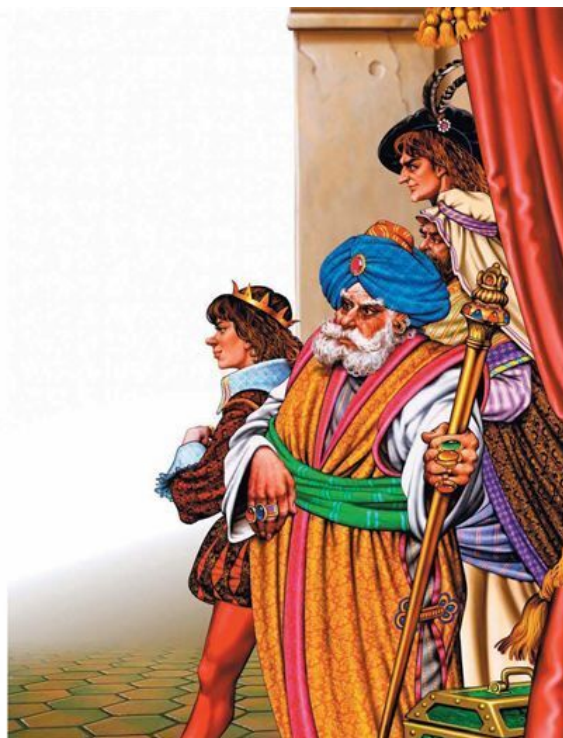

Король Дроздобород

У одного короля была дочь, которая прославилась на весь свет своей красотой. И правда, хороша она была выше всякой меры, но зато и высокомерна, как никто. Никого из женихов не считала она достойным своей руки. Кто ни сватался к ней, все получали отказ да ещё какое-нибудь злое словечко или насмешливое прозвище в придачу. Старый король всё прощал своей единственной дочке, но под конец даже ему надоели её прихоти и причуды.

Он велел устроить пышное празднество и созвать из дальних краёв и соседних городов всех молодых людей, ещё не потерявших надежду понравиться королевне и добиться ее благосклонности.

Съехалось немало женихов. Их построили в ряд одного за другим по старшинству рода и величине дохода. Сначала стояли короли и наследные принцы, потом – герцоги, потом – князья, графы, бароны и, наконец, простые дворяне.

После этого королевну повели вдоль ряда, чтобы она могла поглядеть на женихов и выбрать себе в мужа того, кто больше всех придётся по сердцу.

Но и на этот раз никто не приглянулся королевне.

Один жених показался ей слишком толстым.

– Пивная бочка! – сказала она.

Другой – долговязым и долгоносым, как журавль на болоте:

– Журавлины долги ноги не найдут пути-дороги.

Третий ростом не вышел:

– От земли не видать – боюсь растоптать!

Четвёртого она нашла слишком бледным:

– Белый, как смерть, тощий, как жердь!

Пятого – слишком румяным:

– Краснокожий, на рака похожий!..

Шестого – недостаточно стройным:

– Свежее дерево – за печкой сушено. Было сырое, стало сухое, было прямое, стало кривое!

Словом, всем досталось на орехи.

Но почему-то хуже всех пришлось молодому королю, который занимал в ряду женихов чуть ли не самое почетное место.

Уж в нём-то, кажется, не было ничего смешного. Всякой девушке пришёлся бы он по вкусу, только не нашей королевне. Она, видите ли, разглядела, что борода у него острее, чем следует, и слишком выдается вперёд. И этого было довольно, чтоб потешаться над ним вовсю.

– Ах! – воскликнула она и засмеялась. – Посмотрите! Посмотрите! У него борода, словно клюв у дрозда! Король Дроздобород! Король Дроздобород!

А так как на свете немало охотников посмеяться над соседом, то словцо это тут же подхватили, и никто с той поры не называл иначе молодого короля, как король Дроздобород.

Но всякой потехе приходит конец.

Когда старый король, отец прекрасной королевны, увидел, что дочка его вовсе и не думает выбирать себе жениха, а только зря потешается над людьми, явившимися по его приглашению, он сильно разгневался и поклялся своей головой и короной, что выдаст её замуж за первого попавшегося нищего, который постучится у ворот.

Прошло два дня. И вот под окнами дворца задребезжали струны, и какой-то бродячий музыкант затянул свою песенку. Пение стоило музыки, да и песня была из тех, что поются не

ради веселья, а только для того, чтобы разжалобить слушателей и выпросить у них несколько грошей или кусок хлеба.

Но король прислушался и послал за музыкантом своих слуг.

– Впустите-ка его. Пусть войдёт сюда! – сказал он.

Грязный, оборванный нищий робко вошёл во дворец и пропел перед королем и королевной всё, что знал и помнил. А потом низко поклонился и попросил милостиво наградить его не столько за умение, сколько за старанье.

Король сказал:

– Какова работа, такова и плата. Мне так понравилось твоё пение, братец, что я решил выдать за тебя замуж родную дочь.

Услышав эти слова, королевна в ужасе упала перед отцом на колени, но король даже не поглядел на неё.

– Ничего не поделаешь! – сказал он. – Я поклялся своей головой и короной, что отдам тебя за первого попавшегося нищего, и я сдержу свою клятву!

Сколько ни плакала королевна, сколько ни молила – всё было напрасно. Её тут же обвенчали с нищим музыкантом.

А после венчания король сказал:

– Не пристало жене нищего жить в королевском дворце. Можешь отправляться со своим мужем на все четыре стороны.

Нищий музыкант, не говоря ни слова, взял за руку молодую жену и вывел за ворота. Первый раз в жизни королевна пешком вышла из отцовского дворца.

Опустив голову, не глядя по сторонам, шла она вслед за своим мужем по каменистой пыльной дороге.

Долго брели они так по равнинам и холмам, по дорогам, дорожкам и тропинкам. И наконец тропинка вывела их в сень густого леса.

Они сели отдохнуть под старым дубом, и королевна спросила, невольно залюбовавшись тенистыми деревьями:

– Чей это лес закрыл небесный свод?

– Владеет им король Дроздобород.

А если б ты была его женой –

То был бы тобой.

Королевна задумалась, а потом вздохнула и прошептала:

– Ах, кабы мне дана была свобода,

Я стала бы женой Дроздоборода...

Музыкант искоса поглядел на неё, но ничего не сказал. Они пошли дальше.

И вот перед ними – полноводная река, а вдоль берега стелется свежий, сочный луг.

Королева опять спросила:

– Чей этот луг над гладью синих вод?

– Владеет им король Дроздобород.

А если б ты была его женой –

То был бы твой.

– Ах, – сказала королева, глотая слезы. –

Будь мне возвращена моя свобода,

Я стала бы женой Дроздоборода!

Музыкант нахмурился, покачал головой, но и тут ничего не сказал ей. И они опять пошли дальше.

Когда солнце стало опускаться за холмами, королева и нищий музыкант подошли к стенам большого богатого города. Над золотыми тяжёлыми воротами возвышалась круглая башня.

Королевна спросила:

– Чей это город с башней у ворот?

– Владеет им король Дроздобород.

А если б ты была его женой –

То был бы твой!

Тут королевна не выдержала. Она горько заплакала и воскликнула, ломая руки:

– Вернись ко мне опять моя свобода –

Я стала бы женой Дроздоборода!..

Музыкант рассердился.

– Слушай-ка, голубушка! – сказал он. – Не больно-то мне по вкусу, что ты на каждом слове поминаешь другого и жалеешь, что не пошла за него замуж. А я-то что же, недостаточно хорош для тебя?

Королевна притихла. Не обменявшись ни одним словом, они прошли через весь город и остановились на самой окраине, около маленького, вросшего в землю домика. Сердце дрогнуло в груди у королевны. Она поглядела на домик, на мужа и робко спросила:

– Чей это домик, старый и кривой?

– Он мой и твой! – ответил с гордостью музыкант и отворил покосившуюся дверь. – Здесь мы с тобою будем жить. Входи!

Ей пришлось наклониться, чтобы, переступая через порог, не удариться головой о низкую притолоку.

– А где же слуги? – спросила королевна, поглядев по сторонам.

– Какие там слуги! – ответил нищий. – Что понадобится, сделаешь сама. Вот разведи-ка огонёк, поставь воду да приготовь мне чего-нибудь поесть. Я изрядно устал.

Но королевна не имела ни малейшего понятия о том, как разводят огонь и стряпают, и музыканту пришлось самому приложить ко всему руки, чтобы дело кое-как пошло на лад.

Наконец скудный ужин поспел. Они поели и легли отдохнуть.

А на другой день нищий ни свет ни заря поднял с постели бедную королевну.

– Вставай, хозяйюшка, некогда нежиться! Никто за тебя работать не станет!

Так прожили они дня два, ни шатко ни валко, и мало-помалу все припасы бедного музыканта подошли к концу.

– Ну, жена, – сказал он, – хорошенького понемножку. Это безделье не доведёт нас до добра. Мы с тобой только проедаемся, а зарабатывать ничего не зарабатываем. Начни-ка ты хоть корзинки плести, что ли... Прибыль от этого небольшая, да зато и труд не велик.

Он пошёл в лес, нарезал ивняка и принес домой целую вязанку.

Королевна принялась плести корзины, но жесткие прутья не слушались её. Они не хотели ни сгибаться, ни переплетаться и только исцарапали да покололи её белые ручки.

– Так! – сказал муж, поглядев на её работу. – Вижу, что это дело не для таких белоручек, как ты. Садись-ка лучше прясть. Авось хоть на это у тебя хватит ума да уменья.

Она села за прялку, но грубая нитка врезалась в нежные пальцы, и кровь капала с них так же часто, как слёзы из её глаз.

– Чистое наказание с тобой! – сказал муж. – Ну посуди сама – на что ты годишься!.. Попробовать, что ли, торговать горшками да всякими там глиняными чашками-плошками?.. Будешь сидеть на рынке, моргать глазами и получать денежки.

«Ах, – подумала королева, – что, если кто-нибудь из нашего королевства приедет в этот город, придёт на площадь и увидит, что я сижу на рынке и торгую горшками!.. Как они будут смеяться надо мной!»

Но делать было нечего. Либо помирай с голоду, либо соглашайся на всё. И королева согласилась.

Сначала торговля пошла славно. Люди нарасхват брали горшки у прекрасной торговки и платили ей, не торгуясь, всё, что она ни запрашивала. Мало того, иные давали ей деньги да ещё в придачу только что купленные горшки.

Так жили они до тех пор, пока все чашки и плошки до последней не были распроданы. А потом муж снова закупил целый воз глиняной посуды. Королева уселась на рыночной площади, возле дороги, расставила вокруг свой товар и приготовилась торговать.

Как вдруг, откуда ни возьмись, какой-то пьяный гусар на горячем коне вихрем вылетел из-за угла и пронёсся прямо по горшкам, оставив за собою облако пыли да груды битых черепков.

Королева залилась слезами.

– Ах, как мне достанется! – в страхе приговаривала она, перебирая остатки растоптанной посуды. – Ах, что теперь скажет мой муж!..

Она побежала домой и, плача, рассказала ему о своём несчастье.

– Да кто же садится с глиняной посудой на рынке с краю, у проезжей дороги!.. – сказал муж. – Ну ладно!.. Полно реветь! Я отлично вижу, что ты не годишься ни для какой порядочной работы. Нынче я был в королевском замке и спросил там на кухне, не нужна ли им судомойка. Говорят – нужна. Собирайся-ка! Я отведу тебя в замок и пристрою к месту. Будешь, по крайней мере, сыта.

Так прекрасная королева стала судомойкой. Она была теперь на посылах у повара и делала самую чёрную работу. В глубокие карманы своего большого фартука она засунула по горшочку и складывала туда остатки кушаний, достававшиеся на её долю. А вечером уносила эти горшочки домой, чтобы поужинать после работы.

В то самое время, когда королева-судомойка чистила на кухне закопчённые котлы и выгребала из очага золу, во дворце готовились отпраздновать большое событие – свадьбу молодого короля.

Настал наконец и торжественный день.

Окончив работу, королева тихонько пробралась из кухни наверх и притаилась за дверью парадной залы, чтобы хоть издали полюбоваться на королевский праздник.

И вот зажглись тысячи свечей. Огни заиграли на золоте, серебре и драгоценных камнях, и гости – один нарядней другого – стали входить в королевские покои.

Королева смотрела на них из своего угла, и чем дольше она смотрела, тем тяжелее становилось у неё на сердце.

«Я считала когда-то, что я лучше всех на свете, что я первая из первых, – думала она. – И вот теперь я – последняя из последних...»

Мимо неё вереницей проходили слуги, неся на вытянутых руках огромные блюда с дорожными кушаньями. А возвращаясь назад, то один, то другой бросал ей какой-нибудь оставшийся кусок – корку от пирога, крылышко птицы или рыбий хвост, и она ловила все эти хвосты, крылышки и корочки, чтобы припрятать их в свои горшочки, а потом унести домой.

Вдруг из залы вышел сам молодой король – весь в шелку и бархате, с золотой цепью на шее.

Увидев за дверью молодую, красивую женщину, он схватил её за руку и потащил танцевать. Но она отбивалась от него изо всех сил, отворачивая голову и пряча глаза.

Королевна так боялась, что он узнает её! Ведь это был король Дроздобород – тот самый король Дроздобород, которого ещё совсем недавно она высмеяла неизвестно за что и прогнала с позором.

Но не так-то легко было вырваться из его крепких рук. Король Дроздобород вывел королевну-судомойку на самую середину залы и пустился с ней в пляс.

И тут завязка ее фартука лопнула. Горшочки вывалились из карманов, ударились об пол и разлетелись на мелкие черепки. Брызнули во все стороны и первое и второе, и суп и жаркое, и косточки и корочки.

Казалось, стены королевского замка рухнут от смеха.

Смеялись знатные гости, прибывшие на праздник, смеялись придворные дамы и кавалеры, смеялись юные пажи и седые советники, хохотали и слуги, сгибаясь в три погибели и хватаясь за бока.

Одной королевне было не до смеха. От стыда и унижения она готова была провалиться сквозь землю.

Закрыв лицо руками, выбежала она из залы и опрометью бросилась вниз по лестнице.

Но кто-то догнал её, схватил за плечи и заставил вернуться назад.

Королевна подняла голову, взглянула и увидела, что это опять был он – король Дроздобород!

Он ласково сказал ей:

– Не бойся! Разве ты не узнаёшь меня? Ведь я тот самый бедный музыкант, который был с тобой в маленьком покосившемся домике на окраине города. И я тот самый гусар, который растоптал твои горшки на базаре. И тот осмеянный жених, которого ты обидела ни за что ни про что. Из любви к тебе я сменил мантию на нищенские лохмотья и провёл тебя дорогой унижений – чтобы ты поняла, как горько человеку быть обиженным и осмеянным, чтобы сердце твоё смягчилось и стало так же прекрасно, как и лицо.

Королевна горько заплакала.

– Ах, я так виновата, так виновата, что недостойна быть твоей женой... – прошептала она.

Но король не дал ей договорить.

– Полно! Всё дурное осталось позади, – сказал он. – Давай же праздновать нашу свадьбу! Придворные дамы нарядили молодую королеву в платье, расшитое алмазами и жемчугами, и повели в самую большую и великолепную залу дворца, где её ждали знатные гости и среди них – старый король, её отец.

Все поздравляли молодых и без конца желали им счастья и согласия.

Тут-то и началось настоящее веселье. Жаль только, нас с тобой там не было...

Гензель и Гретель

В большом лесу на опушке жил бедный дровосек со своею женою и двумя детьми: мальчишку-то звали Гензель, а девочочку – Гретель.

У бедняка было в семье и скудно и голодно; а с той поры, как наступила большая дороговизна, у него и насущного хлеба иногда не бывало.

И вот однажды вечером лежал он в постели, раздумывая и ворочаясь с боку на бок от забот, и сказал своей жене со вздохом: «Не знаю, право, как нам и быть! Как будем мы детей питать, когда и самим-то есть нечего!»

– А знаешь ли что, муженёк, – отвечала жена, – завтра ранёшенько выведем детей в самую чашу леса; там разведём им огонёк и каждому дадим ещё по кусочку хлеба в запас, а затем уйдём на работу и оставим их там одних. Они оттуда не найдут дороги домой, и мы от них избавимся.

– Нет, жёнушка, – сказал муж, – этого я не сделаю. Невмоготу мне своих деток в лесу одних оставлять – ещё, пожалуй, придут дикие звери да и растерзают.

– Ох ты, дурак, дурак! – отвечала она. – Так разве же лучше будет, как мы все четверо станемдохнуть с голода, и ты знай строгай доски для гробов.

И до тех пор его пилила, что он наконец согласился. «А все же жалко мне бедных деток», – говорил он, даже и согласившись с женою.

А детки-то с голоду тоже заснуть не могли и слышали всё, что мачеха говорила их отцу. Гретель плакала горькими слезами и говорила Гензелю: «Пропали наши головы!»

– Полно, Гретель, – сказал Гензель, – не печалься! Я как-нибудь ухитрюсь помочь беде.

И когда отец с мачехой уснули, он поднялся с постели, надел своё платьишко, открыл дверку, да и выскользнул из дома.

Месяц светил ярко, и белые голыши, которых много валялось перед домом, блестели, словно монетки. Гензель наклонился и столько набрал их в карман своего платья, сколько влезть могло.

Потом вернулся домой и сказал сестре: «Успокойся и усни с богом: он нас не оставит». И улёгся в свою постельку.

Чуть только стало светать, ещё и солнце не всходило – пришла к детям мачеха и стала их будить: «Ну, ну, подымайтесь, лентяи, пойдём в лес за дровами».

Затем она дала каждому по кусочку хлеба на обед и сказала: «Вот вам хлеб на обед, только смотрите, прежде обеда его не съешьте, ведь уж больше-то вы ничего не получите».

Гретель взяла хлеб к себе под фартук, потому что у Гензеля карман был полнёхонек камней. И вот они все вместе направились в лес.

Пройдя немного, Гензель приостановился и оглянулся на дом, и потом ещё и ещё раз.

Отец спросил его: «Гензель, что ты там зеваешь и отстаешь? Изволь-ка прибавить шагу».

– Ах, батюшка, – сказал Гензель, – я всё посматриваю на свою белую кошечку: сидит она там на крыше, словно со мною прощается.

Мачеха сказала: «Дурень! Да это вовсе и не кошечка твоя, а белая труба блестит на солнце». А Гензель и не думал смотреть на кошечку, он всё только потихонечку выбрасывал на дорогу из своего кармана по камешку.

Когда они пришли в чащу леса, отец сказал: «Ну, собирайте, детки, валежник, а я разведу вам огонёк, чтобы вы не озябли».

Гензель и Гретель натаскали хворосту и навалили его гора-горой. Костер запалили, и когда огонь разгорелся, мачеха сказала: «Вот, прилягте к огоньку, детки, и отдохните; а мы пойдём в лес и нарубим дров. Когда мы закончим работу, то вернёмся к вам и возьмем с собою».

Гензель и Гретель сидели у огня, и когда наступил час обеда, они съели свои кусочки хлеба. А так как им слышны были удары топора, то они и подумали, что их отец где-нибудь тут же, недалеко.

А постукивал-то вовсе не топор, а простой сук, который отец подвязал к сухому дереву: его ветром раскачивало и ударяло о дерево.

Сидели они, сидели, стали у них глаза слипаться от усталости, и они крепко уснули.

Когда же они проснулись, кругом была тёмная ночь. Гретель стала плакать и говорить: «Как мы из лесу выйдем?» Но Гензель её утешал: «Погоди только немножко, пока месяц взойдет, тогда уж мы найдём дорогу».

И точно, как поднялся на небе полный месяц, Гензель взял сестричку за руку и пошёл, отыскивая дорогу по голышам, которые блестели, как заново отчеканенные монеты, и указывали им путь.

Всю ночь напролёт шли они и на рассвете пришли-таки к отцовскому дому. Постучались они в двери, и когда мачеха отперла и увидела, кто стучался, то сказала им: «Ах вы, дрянные детишки, что вы так долго заспались в лесу? Мы уж думали, что вы и совсем не вернётесь».

А отец очень им обрадовался: его и так уж совесть мучила, что он их одних покинул в лесу.

Вскоре после того нужда опять наступила страшная, и дети слышали, как мачеха однажды ночью ещё раз стала говорить отцу: «Мы опять всё съели; в запасе у нас всего-навсего полкаравая хлеба, а там уж и песне конец! Ребят надо спроводить; мы их ещё дальше в лес заведём, чтобы они уж никак не могли разыскать дороги к дому. А то и нам пропадать вместе с ними придётся».

Тяжело было на сердце у отца, и он подумал: «Лучше было бы, кабы ты и последние крохи разделил со своими детками». Но жена и слушать его не хотела, ругала его и высказывала ему всякие упрёки.

«Назвался груздем, так и полезай в кузов!» – говорит пословица; так и он: уступил жене первый раз, должен был уступить и второй.

А дети не спали и к разговору прислушивались. Когда родители заснули, Гензель, как и в прошлый раз, поднялся с постели и хотел набрать гольшей, но мачеха заперла дверь на замок, и мальчик никак не мог выйти из дома. Но он всё же унимал сестричку и говорил ей: «Не плачь, Гретель, и спи спокойно. Бог нам поможет».

Рано утром пришла мачеха и подняла детей с постели. Они получили по куску хлеба – ещё меньше того, который был им выдан прошлый раз.

По пути в лес Гензель искрошил свой кусок в кармане, часто приостанавливался и бросал крошки на землю.

«Гензель, что ты всё останавливаешься и оглядываешься, – сказал ему отец, – ступай своей дорогой».

– Я оглядываюсь на своего голубка, который сидит на крыше и прощается со мною», – отвечал Гензель. «Дурень! – сказала ему мачеха. – Это вовсе не голубок твой: это труба белеет на солнце.

Но Гензель всё же мало-помалу успел разбросать все крошки по дороге.

Мачеха ещё дальше завела детей в лес, туда, где они отродясь не бывали.

Опять был разведен большой костер, и мачеха сказала им: «Посидите-ка здесь, и коли умаетесь, то можете и поспать немного: мы пойдём в лес дрова рубить, а вечером, как кончим работу, зайдём за вами и возьмём вас с собою».

Когда наступил час обеда, Гретель поделилась своим куском хлеба с Гензелем, который свою порцию раскрошил по дороге.

Потом они уснули, и уж за вечерело, а между тем никто не приходил за бедными детками. Проснулись они уже тогда, когда наступила тёмная ночь, и Гензель, утешая свою сестричку, говорил: «Погоди, Гретель, вот взойдет месяц, тогда мы все хлебные крошечки увидим, которые я разбросал, по ним и отыщем дорогу домой».

Но вот и месяц взошёл, и собрались они в путь-дорогу, а не могли отыскать ни одной крошки, потому что тысячи птиц, порхающих в лесу и в поле, давно уже те крошки поклевали.

Гензель сказал сестре: «Как-нибудь найдём дорогу», – но дороги не нашли.

Так шли они всю ночь и ещё один день с утра до вечера и всё же не могли выйти из леса и были страшно голодны, потому что должны были питаться одними ягодами, которые кое-где

находили по дороге. И так как они притомились и от истомы уже еле на ногах держались, то легли они опять под деревом и заснули.

Настало третье утро с тех пор, как они покинули родительский дом. Пошли они опять по лесу, но сколько ни шли, все только глубже уходили в чащу его, и если бы не подоспела им помощь, пришлось бы им погибнуть.

В самый полдень увидели они перед собою прекрасную белоснежную птичку; сидела она на ветке и распевала так сладко, что они приостановились и стали к её пению прислушиваться.

Пропевши свою песенку, она расправила свои крылышки и полетела, и они пошли за нею следом, пока не пришли к избушке, на крышу которой птичка уселась.

Подойдя к избушке поближе, они увидели, что она вся из хлеба построена и печеньем покрыта, да окошки-то у неё были из чистого сахара.

«Вот мы за неё и примемся, – сказал Гензель, – и покушаем. Я вот съем кусок крыши, а ты, Гретель, можешь себе от окошка кусок отломить – оно, небось, сладкое».

Гензель потянулся кверху и отломил себе кусочек крыши, чтобы отведать, какова она на вкус, а Гретель подошла к окошку и стала обглаживать его оконницы.

Тут из избушки вдруг раздался пискливый голосок:

*Стуки-бряки под окном?
Кто ко мне стучится в дом?*

А детки на это отвечали:

*Ветер, ветер, ветерок.
Неба ясного сынок! —*

и продолжали по-прежнему кушать.

Гензель, которому крыша пришлась очень по вкусу, отломил себе порядочный кусок от неё, а Гретель высадила себе целую круглую оконницу, тут же у избушки присела и лакомилась на досуге – и вдруг распахнулась настежь дверь в избушке, и старая-престарая старуха вышла из неё, опираясь на костыль.

Гензель и Гретель так перепугались, что даже выронили свои лакомые куски из рук. А старуха только покачала головой и сказала: «Э-э, детушки, кто это вас сюда привёл? Войдите-ка ко мне и останьтесь у меня, зла от меня никакого вам не будет».

Она взяла деток за руку и ввела их в свою избушечку. Там на столе стояла уже обильная еда: молоко и сахарное печенье, яблоки и орехи. А затем деткам были постланы две чистенькие постельки, и Гензель с сестричкой, когда улеглись в них, подумали, что в самый рай попали.

Но старуха-то только прикинулась ласковой, а в сущности была она злою ведьмой, которая детей подстерегала и хлебную избушку свою для того только и построила, чтобы их при-манивать.

Когда какой-нибудь ребёнок попадался в её лапы, она его убивала, варила его мясо и пожирала, и это было для неё праздником. Глаза у ведьм красные и не дальнзоркие, но чутье у них такое же тонкое, как у зверей, и они издалека чувят приближение человека. Когда Ген-

зель и Гретель только еще подходили к её избушке, она уже злобно посмеивалась и говорила насмешливо: «Эти уж попались – небось, не ускользнуть им от меня».

Рано утром, прежде нежели дети проснулись, ведьма уже поднялась, и когда увидела, как они сладко спят и как румянец играет на их полных щечках, она пробормотала про себя: «Лакомый это будет кусочек!»

Тогда взяла она Гензеля в свои жесткие руки и снесла его в маленькую клетку, и припёрла в ней решётчатой дверкой: он мог там кричать сколько душе угодно, – никто бы его и не услышал. Потом пришла она к сестричке, растолкала ее и крикнула: «Ну, поднимайся, лентяйка, натаškai воды, свари своему брату чего-нибудь повкуснее:

я его посадила в особую клетку и стану его откармливать. Когда он ожиреет, я его съем».

Гретель стала было горько плакать, но только слёзы даром тратила – пришлось ей всё то исполнить, чего от неё злая ведьма требовала.

Вот и стали бедному Гензелю варить самое вкусное кушанье, а сестричке его доставались одни только объедки.

Каждое утро пробиралась старуха к его клетке и кричала ему: «Гензель, протяни-ка мне палец, дай пощупаю, скоро ли ты откормишься?» А Гензель просовывал ей сквозь решётку косточку, и подслеповатая старуха не могла приметить его проделки и, принимая косточку за пальцы Гензеля, дивилась тому, что он совсем не жиреет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.